

Феоктистов Евгений Михайлович

**Отношения России к Пруссии
в царствование Елисаветы
Петровны**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Е14

Е14 **Евгений Михайлович Ф.**
Отношения России к Пруссии в царствование Елисаветы Петровны / Феокти-
стов Евгений Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 204 с.

ISBN 978-5-521-28043-8

ISBN 978-5-521-28043-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Тяжелое время переживала Россія послѣ того какъ сошелъ въ могилу ея великій Преобразователь. Власть находилась въ слабыхъ рукахъ; если между государственными людьми окружавшими престолъ не исчезло понятие о національной политикѣ, которую преслѣдовалъ Петръ, то ни у одного изъ нихъ не хватало ни мужества, ни умѣнья чтобы поддерживать ея преданія. И обстоятельства были не благопріятны для этого. При быстрой смѣнѣ одного царствованія другимъ открывалось широкое поприще для честолюбій и интригъ. Каждый слѣдшилъ всплыть наверхъ, не задумываясь губить своихъ соперниковъ. И Русскіе были безплощадны другъ ко другу; и Нѣмцы, уже не сдерживаемые болѣе желѣзною рукою Петра, отличались тѣми же алчными инстинктами. Въ Европѣ составилось убѣжденіе что Россія такая страна въ которой все возможно, что народъ равнодушенъ къ перебиванію совершавшимся въ Петербургѣ, а въ правительственныхъ сферахъ все зависитъ отъ случайности. Между тѣмъ наступалъ въ Европѣ кризисъ, къ которому наше отечество не должно было относиться безучастно. Въ октябрѣ 1740 года умеръ императоръ Карлъ VI, неотступно поглощенный въ послѣдніе годы своей жизни мыслію о томъ чтобы австрійская корона со всѣми подвластными ей землями перешла къ единственной его наслѣдницѣ, эрцгерцогинѣ Маріи-Терезіи. Благодаря невѣроятнымъ его стараніямъ прагматическая санкція, содержащая его волю на этотъ счетъ, была заблаговременно признана почти всѣми европейскими государствами; онъ закрылъ глаза утѣшая себя мыслію что никто не отважится нарушить данныя ему торжественныя обязательства, но немедленно оправдались слова принца Евгенія Савойскаго что хорошо организованная армія была бы гораздо болѣе надежною гарантіею чѣмъ всякіе пергаменты. Вопросъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ возникалъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Повсюду Марія-Терезія видѣла враговъ, и между этими врагами не было для нея никого опаснѣе Фридриха II только-что воцарившагося въ Пруссіи. Съ безцеремонностью изумившею даже тогдашнюю Европу прежде чѣмъ другія правительства успѣли остановиться

окончательно на какомъ-нибудь планѣ дѣйствій. онъ ворвался въ Силезію и занялъ часть ея своими войсками. Въ тотъ самый день когда получено было въ Берлинѣ извѣстіе о смерти Карла VI. онъ писалъ своему министру Подевилю: „Трауръ о покойномъ императорѣ слѣдуетъ установить на столько же недѣль и съ такими же подраздѣленіями какъ это сдѣлано было въ Австріи при кончинѣ моего родителя. Кстати, предлагаю вамъ на разрѣшеніе задачу: когда имѣешь выгоды на своей сторонѣ, то нужно ли пользоваться ими или нѣтъ? У меня все готово для войны; если я уловлю благоприятную минуту, значитъ не умѣю цѣнить то что у меня въ рукахъ; если же поступлю иначе, все скажутъ только что у меня хватило умѣнья воспользоваться моимъ превосходствомъ надъ сосѣдями“. Министры короля возражали ему, не лучше ли вступить въ переговоры съ Маріей-Терезіей, которая быть-можетъ въ виду критическихъ обстоятельствъ согласится добровольно на уступку принадлежавшей ей области. „А еще вѣрнѣе, отвѣчалъ онъ, сперва взять, а потомъ уже вести переговоры“ (erst nehmen und dann unterhandeln). Впрочемъ Фридрихъ не прочь былъ выставить свой поступокъ какъ благодѣяніе для императрицы: пусть откажется она отъ Силезіи, въ такомъ случаѣ онъ готовъ ополчиться вмѣстѣ съ нею за ея права; если она отвергнетъ эту сдѣлку онъ будетъ дѣйствовать противъ нея въ союзѣ съ Франціей и вообще съ кѣмъ угодно; но всего выгоднѣе было бы удержать за собою захваченную область не жертвуя ни однимъ солдатомъ и ни одною копѣйкой денегъ; Фридрихъ рассчитывалъ что при счастіи можно достигнуть и этой цѣли, если напрямѣръ Англія приметъ на себя роль посредницы. Вообще наступали событія громадной важности: долженъ былъ разыгратъя послѣдній актъ давнишней борьбы Габсбурговъ и Бурбоновъ, Германію ожидалъ переворотъ, еслибъ австрійскіе государи потеряли императорскую корону, которая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ считалась какъ бы наследственнымъ достояніемъ ихъ дома, и среди этого, подобно тому какъ въ началѣ XVIII вѣка Россія заняла вдругъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ Европѣ, выдвигалась теперь Пруссія подъ предводительствомъ человека одареннаго гениальными способностями и непреодолимою силой воли.

Во всякій разъ приступая къ какому-нибудь важному политическому дѣйствію Фридрихъ имѣлъ обыкновеніе набрасывать

на бумагах свои соображенія по его поводу. Такъ поступилъ онъ и предъ началомъ первой Силезской войны. Въ документѣ, озаглавленномъ: *Idées sur les projets politiques à former au sujet de la mort de l'empereur* * онъ ставилъ себѣ вопросъ, слѣдуетъ ли ему опасаться Франціи, Англіи, Голландіи, и отвѣчалъ на него отрицательно. „Остается Россія, говорилъ онъ: всѣ другія державы не въ состояніи тревожить меня; только одна Россія способна причинить мнѣ безпокойство. Но чтобы сдержать ее, можно продлить на главнѣйшихъ сановниковъ засѣдающихъ въ совѣтѣ императрицы (Анны Ивановны) дождь Данаи, что заставитъ ихъ думать какъ мнѣ угодно. Если императрица умретъ, то Русскіе будутъ такъ поглощены своими внутренними дѣлами что не хватитъ у нихъ досуга заниматься иностранною политикою; во всякомъ случаѣ не лишнее дѣло ввести въ Петербургъ осла нагруженного золотомъ.“ Фридрихъ признавалъ могущество Россіи. Въ *Histoire de mon temps*, обсуждая положеніе каждой изъ европейскихъ державъ предъ войной 1740—1748 годовъ, онъ отзывался такимъ образомъ о нашемъ отечествѣ: „Въ 1740 году Россія могла выставить въ поле безъ усилія 170.000 войска; флотъ ея состоялъ изъ 12 линейныхъ кораблей, 26 кораблей низшаго разряда и 40 галеръ. Доходы Имперіи простирались до 15 милліоновъ талеровъ, сумма умѣренная въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ страны, но въ Россіи все дешево. Самая необходимая и жизненная для монарховъ потребность—солдаты не стоять здѣсь и половины того что тратятъ на ихъ содержаніе другія государства. Петръ I составилъ проектъ какого не составлялъ до него ни одинъ государь. Завоеватели заботятся лишь о томъ чтобы расширять свои владѣнія, а Петръ хотѣлъ сократить пространство своего государства, потому что оно было дурно населено въ сравненіи съ его обширностью. Онъ хотѣлъ сосредоточить 12 милліоновъ жителей, разбѣянныхъ по Имперіи, между Петербургомъ, Москвою, Казанью и Украиною, чтобы эта земля была хорошо заселена и обработана; остальные же области представляли бы пустыню—превосходную защиту отъ Персіанъ, Турокъ и Татаръ. Смерть помѣшала великому человѣку исполнить этотъ планъ. Послѣ несчастій Карла XII и утвержденія Августа Саксонскаго въ Польшѣ, послѣ

* См. *Pol. Corr.* I, 90—92.

побѣдъ Миниха надъ Турками, Россія держала въ своихъ рукахъ судьбы сѣвера; Русскіе были такъ страшны что никто не могъ ждать успѣха въ нападеніи на нихъ, ибо чтобы достигнуть Россіи нужно пройти пустыни, а съ другой стороны, можно все потерять, еслибы даже ограничиться оборонительною войною, въ случаѣ нападенія Русскихъ. У нихъ въ войскѣ множество Татаръ, казаковъ и Калмыковъ; эти кочевыя орды хищниковъ и зажигателей способны опустошить цѣлѣущія провинціи прежде даже чѣмъ регулярное русское войско вступитъ въ нихъ. Для избѣжанія этихъ опустошеній сосѣди уклоняются отъ столкновенія съ Россіей, а Русскіе смотрятъ на союзы заключенные ими съ другими народами какъ на покровительство которымъ они удостоиваютъ своихъ кліентовъ.“ Въ политической своей корреспонденціи Фридрихъ неоднократно высказывалъ мысль что реформа Петра вовсе не коснулась народа и лишь высшіе классы нѣсколько затронуты ею; что для громаднаго большинства общества нѣтъ ничего слаще какъ оставаться погруженнымъ въ азіатскую безлечность, но что если правительство дастъ толчокъ этому богатырю и направить его силы въ ту или другую сторону, можно ожидать грозныхъ послѣдствій. Необходимо слѣдовательно заручиться расположеніемъ людей пользующихся въ Россіи властью, а достигнуть этого не трудно, такъ какъ личный интересъ преобладаетъ у нихъ надъ политическими соображеніями. Императрица Анна Ивановна умерла при самомъ началѣ войны долженствовавшей охватить почти всю Европу, и Биронъ назначенъ былъ регентомъ за малолѣтствомъ новаго государя: Фридрихъ разчитывалъ что едва ли Биронъ предприметъ что-нибудь противъ него уже потому что владѣть богатымъ помѣстьемъ въ Силезіи (помѣстье Вартебергъ). По низверженіи Бирона управленіе страной перешло къ Аннѣ Леопольдовнѣ, но сама она не была въ состояніи заниматься дѣлами: вліятельные люди при ней были Минихъ и Остерманъ, изъ коихъ первый не скрывалъ своихъ симпатій къ Пруссіи. Надлежало еще болѣе укрѣпить его въ этихъ чувствахъ. „Вы должны пустить въ ходъ все свое умѣнье, писалъ Фридрихъ своему посланнику въ Петербургъ, чтобы склонить графа Миниха къ моимъ интересамъ; расточайте щедро съ этою цѣлію общанія и ласки. Обнадежьте его что если онъ окажетъ мнѣ помощь при теперешнихъ обстоятельствахъ, если успѣетъ расположить правительницу къ

моимъ планамъ, которые въ сущности совершенно согласны съ истинными интересами какъ Австрійскаго дома, такъ и Россіи, то не только укрѣплю за нимъ и его потомствомъ Бягенъ, уже конфискованный мною и приносящій болѣе 5.000 червонцевъ дохода, но также графство Вартенбергъ въ Силезіи.“ Фридрихъ не терялъ еще надежды, что дѣло можетъ устроиться для него безъ войны; ничего такъ не желалъ онъ какъ посредничества между нимъ и Маріей Терезіей и стараясь направить на этотъ путь Англію, онъ надѣялся что и Россія будетъ дѣйствовать съ нею въ тѣсномъ согласіи. „Было бы большимъ для меня счастьемъ, писалъ онъ, еслибы Петербургскій дворъ вмѣшался въ нашу распрю и вынудилъ Австрію желаніе сойтись со мною, отнявъ у нея вмѣстѣ съ тѣмъ надежду на поддержку со своей стороны. Въ такомъ случаѣ русскіе министры пріобрѣтутъ право на вѣчную мою признательность и я сочту за особое удовольствіе выражать ее всякій разъ когда будутъ затрогиваемы интересы Россіи и интересы этихъ великихъ гениевъ стоящихъ у кормила правленія“ (*de ces grands génies qui sont au timon des affaires*).

Великіе гении сами желали бы предотвратить войну. Положеніе новаго правительства было шатко, финансы находились далеко не въ цвѣтущемъ состояніи:—при этихъ условіяхъ Россія не могла желать чтобы въ ближайшемъ сошествіи съ нею началась борьба, послѣдствія коей могли отразиться и на ней. Посредничество представлялось повидимому самымъ удобнымъ средствомъ чтобы избѣжать такой напасти, но, какъ уже замѣчено выше, оно было невозможно при тѣхъ условіяхъ которыя были выставляемы Прусскимъ королемъ. Въ сущности онъ лишь добивался чтобы посредники постарались закрѣпить за нимъ то что было захвачено имъ силой; отъ Маріи-Терезіи требовалось чтобы она узаконила своимъ согласіемъ самое возмутительное нападеніе: въ замѣнъ этого онъ предлагалъ ей какія-то сомнительныя блага въ будущемъ. Но не говоря уже о томъ какъ неосторожно было бы полагаться на его обѣщанія, гордость молодой государыни была въ высшей степени оскорблена его насильственнымъ образомъ дѣйствій, и съ первой же минутой, подъ вліяніемъ быть-можетъ даже не столько политическихъ соображеній, сколько женскаго чувства, заявляла она что готова перенести всякія потери и невзгоды, но не вступать въ сдѣлку съ хищникомъ. Фридрихъ принадлежалъ къ числу

тѣхъ людей которые отваживаясь на самыя волюющія мѣры увѣряють всѣхъ въ искренности и чистотѣ своихъ намѣреній и, повторяя это другимъ, сами начинаютъ убѣждаться въ своей непогрѣшимости; такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ винилъ Марію-Терезію за то что она отстаиваетъ свои права на принадлежавшую ей область, заранѣе обвинялъ посредниковъ, если они не помогутъ его замысламъ, и только съ самаго себя слагалъ всякую отвѣтственность. „Предположимъ, говорилъ онъ, что Вѣнскій дворъ будетъ обнаруживать непреклонное упорство; я поневолѣ соединяюсь тогда съ Франціей и ужь конечно не на мигъ, а на Англіи и Россіи будетъ лежать вина за пожаръ который охватитъ Европу“*.

Прибѣгнуть къ посредничеству между двумя враждующими сторонами значило неминуемо возстановить противъ себя ту или другую изъ нихъ. Не хотѣлось министрамъ Анны Леопольдовны раздражить Вѣнскій дворъ, потому что онъ уже былъ и могъ еще быть полезнымъ для насъ союзникомъ въ борьбѣ съ Турками, но опасно было поссориться и съ Пруссіей, который не задумался бы конечно сѣять разныя противъ насъ козни въ Швеціи. Съ обычною своею осторожностью Остерманъ старался вывернуться изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Одинъ изъ наиболее довѣренныхъ министровъ Фридриха, Подевилльсъ, доносилъ королю: „Ваше величество уже отправили къ Остерману собственноручное письмо долженствовавшее сильно польстить его тщеславію; такъ какъ онъ желалъ вмѣсто денежнаго подарка въ 8.000 червонцевъ получить вашъ портретъ украшенный брилліантами, то мнѣ кажется слѣдовало бы употребить означенную сумму на изготовленіе портрета столь же великолѣпнаго какъ тотъ который былъ подаренъ графу Миниху и даже лучше. Кромѣ того, необходимо задобрить родственниковъ Остермана въ Вестфалии, надѣлать ихъ баронскими, дворянскими и всякаго рода другими дипломами, не тобою ровно ничего, а между тѣмъ это расположить къ намъ русскаго Риншелье.“ Фридрихъ охотно соглашался на такого рода предложенія, но вскорѣ долженъ былъ убѣдиться что въ Петербургѣ нельзя, какъ казалось ему, достигнуть всего съ помощью золота. Правда, Минихъ настоялъ на заключеніи съ Пруссіей оборонительнаго договора, но даже и

* *Pol. Corr.* I. 208.

онъ, несмотря на свои симпатіи къ Прусскому правительству, находилъ невозможнымъ жертвовать ему Австріей. Вскорѣ послѣ одержаннаго имъ успѣха онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку. Вліяніе Остермана успивалось, а Остерманъ не переставалъ повторять что малѣйшее раздробленіе австрійскихъ владѣній нанесло бы тяжкій ударъ интересамъ общеевропейскаго равновѣсія. „Измѣна Россіи ужасна“ (*La trahison de la Russie est épouvantable*), писалъ Фридрихъ, ободрявшій себя одно время надеждой что вслѣдствіе заключеннаго съ нею трактата можетъ вполне разчитывать на нее. Посредничество такое какое было ему желательно рѣшительно не удавалось. Англійское правительство склонялось все болѣе и болѣе на сторону Маріи-Терезіи, и Фридрихъ началъ спѣшить переговорами о союзѣ съ Франціей. Еще въ январѣ писалъ онъ Подевицкису: „Въ Россіи все идетъ удивительно хорошо для насъ—такъ хорошо что имѣя возможность опереться на Россію и Англію, мы не имѣемъ никакой причины торопиться соглашеніемъ съ Тюльрійскимъ дворомъ; нужно слѣдовательно водить его за носъ пока не разъяснится окончательно вопросъ о посредничествѣ.“ Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того Фридрихъ заговорилъ уже совсѣмъ другимъ тономъ. Надежды его обращены были не на Англію и Россію, а на Францію, и однимъ изъ главнѣйшихъ условій задуманнаго имъ союза было то чтобы Французское правительство подняло на насъ Шведовъ. Мысль эта такъ занимала его что онъ безпрерывно возвращался къ ней въ своихъ сношеніяхъ съ французскими уполномоченными. „Я былъ чрезвычайно изумленъ, говорить онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ маркизу Валуа, посланнику Людовика XV при Берлинскомъ дворѣ, узнавъ что Шведы колеблются начать военныя дѣйствія. Маркизь Бель-Иль не рѣшится конечно отрицать что онъ положительно обѣщаль мнѣ что они нападутъ на Русскихъ въ Финляндіи, лишь только я подпишу трактатъ съ Франціей. Теперь все готово для этого, а Швеція продолжаетъ выставлять разныя затрудненія. Предупреждаю что трактатъ нашъ разлетится въ прахъ если вы не одержите полного успѣха въ Стокгольмѣ; на на какихъ другихъ условіяхъ не соглашусь я быть союзникомъ вашего короля“ *.

* *Poi. Corr.* I, 253.

Въ августѣ 1741 года Швеція объявила намъ войну, безо всякой основательной причины и даже безо всякаго повода, единственно потому что слабое ея правительство было жалкимъ орудіемъ чужеземныхъ вліяній. Изъ этого видно, между прочимъ, какъ безразсудно было долго господствовавшее въ нашей литературѣ мнѣніе будто бы позднѣе императрица Елисавета могла держаться въ сторонѣ отъ европейскихъ смутъ, будто вмѣшавшись въ нихъ она даромъ проливала русскую кровь и тратила русскія деньги. Съ тѣхъ поръ какъ Россія заняла видное мѣсто въ Европѣ, подобное отчужденіе отъ того что происходило въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нею представлялось для нея невыносимымъ; каждая изъ воюющихъ сторонъ хотѣла заручиться ея содѣйствіемъ; напрасно утѣрала бы она что хочетъ соблюдать строгій нейтралитетъ, — подобныя заявленія не могли успокоить никого; опасались что рано или поздно она измѣнитъ свое рѣшеніе, отъ неумѣтельности перейдетъ къ болѣе энергической политикѣ, а потому заботились поссорить ее съ Турками или Шведами и тѣмъ самымъ стѣснить ея свободу дѣйствій. Правительство Анны Леопольдовны было очень миролюбиво, но это не оградило его отъ шведской войны. Къ счастью враги выставленные противъ насъ Фридрихомъ и Людовикомъ XV оказались плохи; съ самаго начала, послѣ взятія нашими войсками Вальманстранда, можно было предвидѣть что они не долго будутъ въ состояніи выдерживать борьбу, и Фридрихъ полпрежнему, хотя родственныя связи соединяли его съ Брауншвейгскою фамиліей, сталъ тревожиться относительно замысловъ Русскаго правительства. Вдругъ получено было имъ изъ Петербурга извѣстіе о переворотѣ, слѣдствіемъ коего было восшествіе на престолъ Елисаветы Петровны.

Переворотъ этотъ поразилъ его своею неожиданностью, хотя отчасти онъ могъ предвидѣть его. Въ запискахъ своихъ онъ отзывается о немъ такимъ образомъ: „публика довольно легкомысленно думаетъ что событія совершающіяся въ пользу государей суть плоды ихъ предусмотрительности и искусства; подъ вліяніемъ такого предубѣжденія полагали что Пруссійскій король принималъ участіе въ русской революціи: ничего подобнаго однако не происходило. Король былъ тутъ не причемъ и узналъ о событіи одновременно съ публикой. За нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, когда маршалъ Бель-Иль посѣтилъ лагерь въ Мольвицѣ,

разговоръ коснулся Россіи. Маршалъ былъ очень недоволенъ образомъ дѣйствій правительницы Анны и ея супруга принца Антона, и однажды, въ минуту крайняго раздраженія, спросилъ короля не будетъ ли ему непріятно, если въ Петербургѣ низвергнуть приходившагося ему племянникомъ юнаго императора Ивана и возвести на престолъ принцессу Елисавету. Король отвѣчалъ на это что между государями онъ считаетъ своими родственниками только тѣхъ которыхъ друзья съ нимъ. Вотъ и все—разговоръ не продолжался. * Можно было бы усомниться въ искренности показаній Фредриха, но интимная его переписка, относящаяся къ означенному событію, доказываетъ что на этотъ разъ онъ не уклонился отъ истины. Французская дипломатія дѣятельно работала въ Петербургѣ, не сообщая ему однако о ходѣ своихъ интригъ. „Искренно сожалею о печальной участи которая по всему вѣроятію постигнетъ принца Антона-Ульриха и его брата Лудовика, писалъ король своему посланнику Мардефельду, ** узы крови и дружбы связывающія меня съ Браншвейгскимъ домомъ не позволяютъ мнѣ относиться равнодушно къ его несчастію. Но, оставивъ это въ сторонѣ, я не думаю чтобы совершившійся переворотъ былъ вреденъ для моихъ интересовъ; кто бы то ни былъ его виновники, нельзя предположить чтобъ они рѣшились вовлечь въ войну со мною націю которая только жаждаетъ покоя и могла бы возмутиться еслибы слишкомъ упорно стали противиться ея наклонности къ миру... Мнѣ было бы однако пріятно еслибы вы сохранили кое-какія сношенія съ низверженною партией, чтобъ имѣть заручку на всякій случай; дѣйствуйте только съ большимъ благоразуміемъ и осторожностью и старайтесь не возбуждать подозрительности людей пользующихся нынѣ властью. Затѣмъ требую я отъ васъ подробнаго отчета о переворотѣ: чѣмъ онъ былъ главнымъ образомъ вызванъ, кто руководилъ интригой, какіе министры—русскіе или иностранные—участвовали въ ней, особенно же принималъ ли въ ней участіе маркизъ Шетарди или все было дѣломъ самихъ Русскихъ; какую роль играли графы Минихъ и Остерманъ и что ожидаетъ ихъ теперь; присоедините также ваши соображенія о предстоящей судьбѣ принцессы Анны, ея

* *Histoire de mon temps*, т. IV, 159—160.

** *Pol. Corr.*, I, 438—439.

дѣтей, ея супруга; позволять ли имъ отправиться въ Германію или заставить ихъ предпринять путешествіе въ Сибирь; останется ли дворъ въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ на время шведской войны, или же переселится въ Москву и каковы его намѣренія относительно Шведовъ“...

Фридрихъ утѣшалъ себя мыслию что воцареніе Елисаветы Петровны будетъ тяжкимъ ударомъ для Вѣнскаго и Лондонскаго дворовъ. „Теперь, читаемъ мы въ письмѣ его къ тому же Мардефильду, надо надѣяться что эти сдѣлаются гораздо податливѣе и не будутъ отказываться отъ соглашеній требуемыхъ общимъ положеніемъ дѣлъ. Но такъ какъ по всему вѣроятію они подчинятся этому въ послѣдней крайности, а предварительно употребляютъ чрезвычайныя усилія чтобы притянуть къ себѣ Россію, расточая деньги русскимъ министрамъ или прибѣгая ко дворцовымъ интригамъ, то вы обязаны зорко слѣдить за ихъ происками. Особенно не упускайте изъ виду нѣкаго лѣкаря Лестока, о которомъ я имѣю свѣдѣнія какъ о большомъ интриганѣ, горячо преданномъ интересамъ Ганноверскаго дома; увѣряютъ будто бы онъ пользуется расположеніемъ новой императрицы. Важныя дѣла готовятся нерѣдко съ помощью ничтожныхъ людей, а потому, если справедливо что государыня довѣряетъ этому человѣку и если не удастся сдѣлать его нашимъ орудіемъ, вамъ нужно учредить за нимъ бдительный надзоръ, чтобы не быть застигнутымъ върасплохъ.“

II.

Вступленіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны положило конецъ господству Нѣмцевъ въ правительственныхъ сферахъ Россіи. Дочь Петра Великаго окружила себя русскими людьми, поручала исключительно имъ завѣдываніе какъ внутреннею, такъ и вѣшнею политикой. Но слѣдовало ли изъ этого чтобы иностранныя вліянія совершенно исчезли въ Петербургѣ? Можно ли было ожидать что европейскіе дворы не будутъ употреблять всевозможныхъ стараній съ цѣлью овладѣть довѣріемъ и расположеніемъ новаго правительства? Ни для кого не было тайной что французскій уполномоченный Шетарди много хлопоталъ о возвышеніи Елисаветы, считался однимъ изъ главныхъ ея приверженцевъ